

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-14"19"
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-65-77

**«РАЗВЛЕЧЕНИЕ ЛЮБИМОЙ»
КАК ПОВОД ДЛЯ ПРЕОБРАЖЕНИЯ МИРА
(СТИХОТВОРЕНИЯ Н.С. ГУМИЛЕВА «ЖИРАФ»
И Б.Л. ПАСТЕРНАКА «БЕЗ НАЗВАНИЯ»)**

Казмирчук Ольга Юрьевна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
kazmirchuk@yandex.ru, AuthorID: 334894, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Аннотация. В статье сопоставлены стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» и Б.Л. Пастернака «Без названия», в центре которых стоит проблема взаимоотношения мужчины и женщины. Типологическая близость поэтических «сюжетов» и мотивов заключается в готовности лирических героев преобразить / переименовать существующий мир ради своих возлюбленных – «адресатов» произведений. Подобные художественно-философские установки были свойственны символизму, акмеизму, футуризму. В указанных стихотворениях отражен личный опыт поэтов.

Методы имманентного и сопоставительного анализа позволили выявить специфику созданного каждым из авторов. Возлюбленная лирического героя Гумилева не откликнулась на его призывы рассмотреть экзотику далеких стран, не разделяя его представлений о красоте. Пастернак принципиально иначе выстраивает отношения героя и героини, благодаря чему по-иному интерпретируется и тема преобразования мира: оно реально, хотя и отнесено в область будущего.

Ключевые слова: символизм, акмеизм, футуризм.

Для цитирования: Казмирчук О.Ю. «Развлечение любимой» как повод для преобразования мира (стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» и Б.Л. Пастернака «Без названия») // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 65–77. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-65-77.

Original research article

“ENTERTAINMENT OF THE BELOVED” AS A REASON FOR THE TRANSFORMATION OF THE WORLD (POEMS BY N.S. GUMILYOV “GIRAFFE” AND B.L. PASTERNAK “UNTITLED”)

Olga Yu. Kazmirchuk

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

kazmirchuk@yandex.ru, AuthorID: 334894, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Abstract. The comparison of the poems by N.S. Gumilyov “Giraffe” and B.L. Pasternak “Untitled” is presented in the article, in their center is the problem of the relationship between a man and a woman. The typological closeness of poetic “plots” and motives lies in the readiness of lyrical heroes to transform / rename the existing world for the sake of their beloved – the “addressees” of the works. Similar artistic and philosophical attitudes were characteristic of symbolism, acmeism, futurism. The personal experience of the poets is reflected in these poems.

The methods of immanent and comparative analysis allowed us to identify the specifics of what each of the authors created. The beloved of Gumilev’s lyrical hero did not respond to his calls to consider the exoticism of distant lands, not sharing his ideas about beauty. Pasternak builds the relationship between the hero and heroine in a fundamentally different way, thanks to which the theme of the transformation of the world is interpreted differently: it is real, although it is relegated to the realm of the future.

Keywords: symbolism, acmeism, futurism.

For citation: Kazmirchuk Olga Yu. “Entertainment of the Beloved” as a Reason for the Transformation of the World (Poems by N.S. Gumilyov “Giraffe” and B.L. Pasternak “Untitled”) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 65–77. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-65-77.

© Казмирчук О.Ю., 2024

Памяти Н.А. Богомолова

Введение

Обращение лирического героя-поэта к своей возлюбленной, его попытка успокоить, уговорить ее – мотив, который достаточно часто возникает в русской поэзии («Что в имени тебе моем...» А.С. Пушкина и др.). Подобные тексты привлекали и будут привлекать внимание исследователей уже в силу того, что в них не только осмысляются архетипические мотивы и образы, связанные с темой любви, но и формируется сложнейшая субъектная структура, поскольку в этих текстах, помимо главенствующего лирического субъекта

(лирического героя), обязательно присутствует адресат (героиня), причем точка зрения адресата ощутимо влияет на формирование художественного универсума стихотворения [Малкина, 2023, с. 23–27].

Цель исследования состоит в выявлении как близости, так и разницы позиций лирических героев в поэтических монологах, обращённых к любимой женщине. Материалом исследования стали стихотворения Н.С. Гумилёва «Жираф» (1907, сборник «Романтические цветы») и Б.Л. Пастернака «Без названия» (1956, цикл «Когда разгуляется»).

Актуальность работы. Произведения Гумилева и Пастернака неоднократно становились объектом сопоставления: сквозь призму символистских постулатов [Иванов, 2015, с. 377–380], жанра баллады [Жолковский, 2011, с. 364] и др. Сопоставление стихотворений «Жираф» (1907) и «Без названия» (1956) не проводилось, несмотря на близость тематики произведений (разговор лирического героя с возлюбленной и его попытка преобразовать внешний мир ради любимой) и существование реального прототипа у адресата (А.А. Ахматова-Горенко [Баскер, 1996, с. 131; Богомолов, 2001, с. 467], О.В. Ивинская [Ивинская, 1992; Жолковский, 2014, с. 118]). Оба произведения входят в состав поэтических книг, значимых для авторов. Так, сборник «Романтические цветы» Н.С. Гумилев называл своей первой книгой, поскольку хотел забыть о неудачном литературном дебюте – о книге «Путь конквистадоров» [Н.С. Гумилев: pro et contra..., 2000, с. 505; Богомолов, 2001, с. 467], а стихотворение «Без названия» (впервые: Знамя. 1956. Сентябрь) вошло в последнюю поэтическую книгу Б.Л. Пастернака, при жизни поэта не изданную.

Методы исследования. При рассмотрении проблематики и поэтики указанных произведений были использованы аналитический и сопоставительный методы изучения произведений.

Основная часть

Стихотворение «Жираф», первоначально вошедшее в цикл «Озеро Чад», не имело названия [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 509; Ибрапова 2015, с. 258]. В данном его существовании и размещении оно многократно изучено [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 287, 313, 466, 509; Баскер, 1996, с. 132–136; Видугирите, 2001; Ибрапова, 2015, с. 258–273; Дударева, 2020, с. 100–102]. Исследователи рассматривали проблемы коммуникативной стратегии лирического героя в общении с героиней, а также трактовку темы Африки. В данной статье будет предпринята попытка объединить две указанные проблемы и выделить еще один значимый для стихотворения Гумилева семантический компонент – идею преображения «внешнего» мира в соответствии с эстетическими установками лирического героя.

Произведение представляет собой развернутый монолог лирического героя, обращённый к героине [Баскер, 1996, с. 132–133; Видугирите, 2001;

Исрапова, 2015, с. 259]. Его началом служит краткое описание облика женщины: «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд, / И руки особенно тонки, колени обняв» [здесь и далее: Гумилев, 1988, с. 103–104]. Этот портрет характеризует адресата-героиню в наблюдаемое время: «сегодня» героиня «особенно» печальна. Поэт вводит наречие, подчеркивающее интенсивность проявления признака, и повторяет его дважды [Баскер, 1996, с. 132]. Одновременно Гумилев актуализирует состояние «печали», свойственное прототипу адресата-героини – А.А. Ахматовой. Лирический герой пытается развлечь возлюбленную рассказом о далекой Африке и о жирафе: «Послушай, далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф».

Рассказ об «изысканном» в своей красоте африканском животном строится на основе традиционных элементов сказочного сюжета: поэтическое повествование начинается с упоминания места действия, в рассказе активно используются повторы [Амроян, 2006, с. 3–5], позже звучит слово «сказка». В стихотворении «Жираф», как и во многих ранних текстах Гумилева, преобладают именно «визуальные» образы [Малкина, 2019, с. 38]. Так, герой-рассказчик стремится описать неведомое героине животное посредством тех представлений, которые героине знакомы. Герой сравнивает жирафа с парусами корабля (подобные «предметные» сравнения обретают особую популярность в поэзии XX века [Девятова, 2022, с. 52–53]), сравнивает «узоры» на шкуре жирафа с пятнами на Луне [Дударева, 2020, с. 100–101], а движения животного – с полетом птицы [Девятова, 2019, с. 349–350]. Автору важна создаваемая модусная атмосфера изящества, стройности, грациозности, неги¹.

Работу Гумилева над языком, проделанную им в стихотворении «Жираф», нетрудно соотнести с чуть более поздними теоретическими изысканиями поэта, изложенными в манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (Аполлон. 1913. № 1). Так, исследователь подчеркивала: «Поэт-акмеист уподоблен первому человеку – Адаму, сотворенному Богом из земли <...>. Всматриваясь в предметный мир, “новый Адам” дает вещам “девственные наименования”, <...> не отягощенные какими бы то ни было предшествующими смыслами. Сам мир открывается его взору в своей первозданности, целостности, многокрасочности» [Грыкалова, 1994, с. 119]. Такого же рода заключения представлены в ряде научных работ [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 389–393; Эткинд, 1995, с. 465–470; Иванов, 2015, с. 377, 380–383].

Лирический герой Гумилева видит себя носителем «особенных» знаний («Я знаю, что много чудесного видит земля...», «Я знаю веселые сказки таинственных стран»), что перекликается с суждениями поэта-путешественника об оккультных практиках народов Африки, отраженными в первых сборниках его стихов [Богомолов, 2001, с. 473–474]. Именно эти «знания» разводят лирического героя и героиню как адресата его рассуждений в разные стороны.

¹ Определение «изысканный жираф» со временем становится перифрастическим наименованием творчества самого Гумилева, предложенным в статье Р.Н. Иванова-Разумника (1918) [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 464–466].

По мнению героя, возлюбленная не может или не хочет понять и оценить его мир, мир, которым он так восхищается. Здесь единственный раз в стихотворении возникает противительный союз «но»: «Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, / Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя». Мотив противостояния двух близких людей будет использоваться и в следующих поэтических книгах Гумилева; особенно важен он в книге «Чужое небо» (1912) [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 508, 519].

Изяществу создаваемой атмосферы сопутствует печаль. Лирический герой Гумилева осознает, насколько его мир (озеро Чад, жираф, мраморный грот) далек от мира героини (туман и дождь) [Магомедова, 2004, с. 152–153]. Но он отказывается от поиска языка, более понятного возлюбленной, – отказывается от сочинения нового рассказа. Исследователи интерпретируют этот фрагмент текста произведения как пример несостоятельности литературного языка и литературы в целом [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 287; Баскер, 1996, с. 251], реже – как коммуникативную неудачу двух конкретных героев [Видуگیرите, 2001; Дударева, 2020, с. 101–102]. Последняя строфа стихотворения обращает читателей к его началу: «Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф». Герой возвращается к истории о жирафе, которую ему легче рассказывать, а героине легче представить и все-таки попытаться понять *Другого*.

Таким образом, стихотворение Гумилёва «Жираф» строится на основе нескольких мотивов: это разговор героя с огорченной женщиной как попытка утешить, развлечь ее, очертив облик *другого* мира, и финальное поражение героя. Герой признается в том, что не может убедительно рассказать обо всем великолепии посещенного им далекого, но реального мира, воспроизведенного средствами романтики.

* * *

Несомненное типологическое сходство обнаруживается у рассмотренного стихотворения Гумилева и стихотворения Пастернака «Без названия». В пользу этого суждения выступает ряд аргументов: монолог лирического героя, обращенный к «присутствующей» рядом возлюбленной; мотивы настойчивости в убеждении и одновременно грусти и печали; лексическая красочность в освещении ситуации разговора; отсылка к сказочным «сюжетам», рождаемая стремлением героя «переназвать» мир в угоду любимой. Примечательно в этой связи, что, по свидетельству Вяч. Вс. Иванова, дружившего с Пастернаком, именно во второй половине 1950-х годов поэт перечитывал сборники Гумилева [Иванов, 2015, с. 101].

Названное произведение Пастернака, как и гумилевский «Жираф», начинается с описания героини. Характер женщины-адресата создается в переключке ее привычной манеры вести себя («Недотрога, тихоня в быту...») и возникшего обновления («Ты сейчас вся огонь, вся горенье») [здесь и ниже: Пастернак, 1989, т. 2, с. 77]. В стремлении сохранить наблюдаемое

преображение возлюбленной герой находит единственный пригодный для этого способ – собственное творчество: «Дай запрю я твою красоту / В темном тереме стихотворенья».

Образ стихотворения-терема актуализирует сказочную проблематику – традиционный для фольклорного жанра мотив, востребованный ранее и Гумилевым. При этом если в сказке злая сила запирает красавицу в тереме, из которого ее освободит добрый молодец [Пропп, 1998, с. 136–138], герой Пастернака, напротив, собирается «запереть» возлюбленную – но лишь с целью сохранить ее истинную духовную природу. Такой творческий прием обнаруживается в литературе еще в начале XX века. Так, в научной практике уже демонстрировалось, как элементы данного «сюжета» использовались А.А. Блоком в «Стихах о Прекрасной Даме» [Магомедова, 2001, с. 102]. В этом «запирании-сохранении» и заключается подвиг лирического героя Пастернака [Жолковский, 2011, с. 83, 315].

Причудливый образ стихотворения-терема возникает в творчестве Пастернака не единожды: это, например, стихотворение «Иней» из цикла «Перedelкино» [Фарыно, 1989, с. 200; Жолковский, 2014, с. 118–119]. Данное произведение соотносится с пушкинской «Сказкой о мёртвой царевне», а также с символистской трактовкой этого «сюжета» – с разработкой мотивов сна-смерти и последующего пробуждения-воскресения [Магомедова, 2004, с. 143–144].

Мотив терема в стихотворении «Без названия» примечателен и как значимый элемент в характеристике противоречивой природы героини. Уже в первых строках ее образ создается посредством антитез: «недотрога, тихоня» – и «вся огонь, вся горенье», а герой собирается запереть «огненную» героиню в «темном тереме». Так парадоксально взаимодействуют мотивы света и тьмы, огня и дома. Последний из названных мотивов организуют вторую строфу пастернаковского стихотворения: «Посмотри, как преображена / Огневой кожей абажура / Конура, край стены, край окна, / Наши тени и наши фигуры». Если лирический герой стихотворения Гумилева «Жираф», пытаясь развлечь любимую, рассказывает ей о далеком мире («далеко, далеко, на озере Чад»), то пастернаковский герой-поэт показывает героине, как может преобразиться обычный, повседневный мир.

Стихотворение «Без названия» написано трехстопным анапестом, и только в начале второй строфы, единственный раз в тексте, пропущено ожидаемое ударение: этот пропуск приходится на слово «преображена», что подчеркивает особую его значимость. Ощущаемая в четверостишии звуковая игра (повторение согласных звуков «ж», «н») также реализует идею преображения.

Наблюдаемая метаморфоза окружающего мира происходит под действием света / огня (нечто похожее происходило и в «Зимней ночи» из тетради Живаго). В стихотворении «Без названия» огненное начало соотносится с образом героини, а значит, она также причастна к процессу преображения.

Следующая строфа пастернаковского стихотворения распадается на две

части: в первой описывается внешний облик героини («Ты с ногами сидишь на тахте, / Под себя их поджав по-турецки»), во второй характеризуется ее внутренний мир («Все равно, на свету, в темноте, / Ты всегда рассуждаешь по-детски»). Если ранее лирический герой указывал на противоречивость героини, то теперь переменчивым представляется мир, а в героине, напротив, подчеркивается целостность натуры: «Ты всегда рассуждаешь по-детски».

В четвертой строфе лирический герой Пастернака фиксирует внешние проявления переживаемых героиней эмоций: «Замечтавшись, ты нижешь на шнур / Горсть на платье скатившихся бусин». Мотив нанизывания бусин связывается с мифологическим сюжетом о нити бытия [Баевский, 1993, с. 39]. В систематике же, например, А.А. Блока мотив бусин развивается при создании образа героини, воплощавшей Душу Мира [Магомедова, 2001, с. 102].

Описание героини в пастернаковском стихотворении «Без названия» («Слишком грустен твой вид...») напоминает начало гумилевского стихотворения «Жираф», и, как у Гумилева, вслед за описанием внешности героини вводится мотив диалога: «Разговор твой прямой безыскусен». Для поэта это развитие мотива «детских» рассуждений, отличающих героиню: в поэтическом универсуме Пастернака с категорией детства всегда связываются представления о чистоте и некоем истинном знании [Иванов, 2015, с. 259–274].

Далее пастернаковский лирический герой «пересказывает» размышления героини и соглашается с ней: «Пошло слово любовь, ты права». Эта «цитируемая» лирическим героем мысль – своеобразная парафраза первой строки сделанного Пастернаком в 1934 году перевода стихотворения П. Шелли «К...»: «Опошлено слово одно / И стало рутиной. /... Любви я в ответ не прошу, / Но тем беззаветней / По-прежнему произношу / Обет долголетний» [Пастернак, 1989, т. 2, с. 322–323]. Отмеченный вопрос о специфике пастернаковских переводов Шелли поднимался и ранее [Сергеева-Кляtis, 2005, с. 34].

Мысль о «пошлости» слова «любовь», принадлежащая в стихотворении «Без названия» героине, заставляет лирического героя задуматься о возможности полного переназывания мира: «Пошло слово любовь, ты права. / Я придумаю кличку иную. / Для тебя я весь мир, все слова, / Если хочешь, переименую». Так тема преображения, намеченная в начале стихотворения посредством мотива изменяющего мир света («Посмотри, как преображена / Огневой кожурой абажура...»), достигает своего апогея в финале: во имя любимой герой-поэт готов переименовать весь мир, т. е. готов преобразить его.

Мотив переименования мира ради возлюбленной имплицитно присутствует и в гумилевском стихотворении «Жираф», когда для характеристики животного предложен эпитет «изысканный», чтобы экзотический мир стал более понятным для избранницы. В стихотворении же Пастернака миры любящей пары не противопоставлены: герой Пастернака собирается переименовать все элементы мироздания, чтобы вернуть ему истинный облик.

Идея переименования присутствует уже в парадоксальной заглавии пастернаковского стихотворения – «Без названия». Тем самым поэт подчеркивает, что ни одна вещь в мире ещё не обрела истинного имени, герой лишь собирается «назвать» мир. Стремление к «переназыванию» мира как к его обновлению / пересозданию было свойственно всем модернистским литературным течениям начала XX века, а особенно – поэтам-футуристам. Для Пастернака это органичная практика, поскольку в начале своего литературной пути, выбирая его между символизмом и футуризмом, поэт дебютировал в составе футуристической группы «Центрифуга» [Иванов, 2015, с. 379–380, 442–483; Казмирчук, 2022, с. 50]. Показательно, что спустя годы творческие дороги вновь привели Пастернака к идеям обновления языка и обновления мира. В частности, тема преображения становится ведущей в книге «Когда разгуляется», а стихотворение «Без названия» – это один из первых текстов данного сборника.

Но для того чтобы мир обрёл свой подлинный облик, таковой нужно отыскать героине в самой себе: «Разве хмурый твой вид передаст / Чувств твоих рудоносную залежь, / Сердца тайно светящийся пласт? / Ну так что же глаза ты печалишь?». Образ женщины по-прежнему связан со светом, а состояние печали, в котором она пребывает, противоречит ее природе и должно быть преодолено. Такой склад художественного мировосприятия был отражен еще в опыте поэтов-символистов, своеобразно переосмысливших учение В. Соловьева, – например, в поисках А.А. Блоком Души Мира, изменившейся в результате соприкосновения с земным началом [Магомедова, 2001, с. 94–100; Геймбух, 2011, с. 52].

Выводы

Стихотворения Гумилёва «Жираф» и Пастернака «Без названия» сближает условно-поэтическая «сюжетность»: во взаимоотношениях со своими избранницами лирические герои предпринимают все усилия, чтобы расширить жизненное пространство своих возлюбленных. Это стремление направить своих подруг к активному движению в освоении мира, прочь от психологической закрытости, печали и грусти, предполагает, в сознании поэтических субъектов, позитивные трансформации всего сущего. Сами же лирические герои Гумилева и Пастернака – носители неординарного опыта: первый – дерзновенный странник, путешествующий по дальним странам, второй – поэт.

Вместе с тем типологическая близость двух лирических героев не подразумевает отсутствия неповторимости в «них» диалоговых стратегиях. Так, «действующее лицо» пастернаковского стихотворения демонстрирует большую успешность в достижении целей разговора с любимой женщиной: герой сумел объяснить ей необходимость преображения, поскольку видит в этом пути к гармонизации мироздания. Иными словами, в художественном

универсуме Пастернака не только герой-поэт, но и героиня способны преображать мир (хотя сам момент преображения отнесен в область будущего). Герой же Гумилева не смог увлечь любимую красотой экзотических миров и тем самым приобщить к «миропреобразующим» действиям. Опираясь на проведенный анализ, рискнем предположить, что Пастернак учитывал художественный опыт гумилевского стихотворения «Жираф», создавая свою – «альтернативную» – версию разговора с любимой.

Отмеченные нами различия в трактовке Гумилевым и Пастернаком взаимоотношений мужчины и женщины и проблем преображения мира свидетельствуют о том, насколько своеобразными были предложенные этими поэтами варианты осмысления универсальных архетипических тем. При этом нельзя не отметить, что в стихотворениях Гумилева и Пастернака ярко реализованы художественные парадигмы, сформировавшиеся в границах модернистских поэтических направлений символизма, акмеизма и футуризма.

Источники

- Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 632 с.
Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М.: Либрис, 1992. 464 с.
Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 703 с.

Литература

- Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 48 с.
Баевский В.С. Б. Пастернак-лирик: Основы поэтической системы. Смоленск: Траст-Имаком, 1993. 238 с.
Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилёва (к эволюции акмеистической поэтики) // Гумилёвские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб.: Изд-во гуманитарного университета профсоюзов, 1996. С. 125–137.
Богомолов Н.А. Николай Гумилев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 2. М.: Наследие, 2001. С. 466–500.
Видуигирите И. Стихотворение «Жираф» и африканская тема Н. Гумилева [Электронный ресурс, 2001] // Николай Гумилев. URL: <https://gumilev.ru/about/50/> (дата входа: 19.01.2024).
Геймбух Е.Ю. Мост в вечность: о цикле А. Блока «О чем поет ветер» // Русский язык в школе. 2011. № 8. С. 52–56.
Грякалова Н.Ю. Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 112–120.

Девятова Н.М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 48–58.

Девятова Н.М. Птица как образ русского сравнения // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Колл. монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. С. 349–354.

Дударева М.А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н.С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // Наследие веков. 2020. № 1. С. 98–104.

Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 824 с.

Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.

Иванов Вяч. Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Азбуковник, 2015. 696 с.

Исрапова Ф.Х. Металирика в смене художественных парадигм: монография. М.: Буки Веди, 2015. 298 с.

Казмирчук О.Ю. Стихотворение Б.Л. Пастернака «На пароходе» в контексте символистской и футуристической поэтики // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 49–58.

Магомедова Д.М. Александр Блок // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 2. М.: Наследие, 2001. С. 89–143.

Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. М.: Академия, 2004. 192 с.

Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31.

Малкина В.Я. Фантастическое в ранних стихотворениях Н.С. Гумилева // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика: сб. ст. к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 30–39.

Н.С. Гумилев: pro et contra: Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. 2-е изд. СПб.: РХГИ, 2000. 671 с.

Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

Сергеева-Кляtis А. Искусство перевода: Борис Пастернак // Литература. 2005. № 13. С. 34–37.

Фарыно Е. Поэтика Пастернака («Путевые записки» – «Охранная грамота»). Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1989. 446 с.

Эткинд Е.Г. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М.: Прогресс-Литера, 1995. С. 460–487.

References

Sources

Gumilyov N.S. *Stihotvorenija i poetry* [Poems and Poems]. L.: Sovetsky pisatel Publishing House, 1988. 632 p.

Ivinskaya O.V. *Gody s Borisom Pasternakom: V plenu vremeni* [Years with Boris Pasternak: Captive to Time]. M.: Libris Press, 1992. 464 p.

Pasternak B.L. *Sobr. coh.: v 5 tt.* [Collected Works: in 5 vols]. M.: Art Literature Publishing House, 1989. V. 2. 703 p.

Literature

Amroyan I.F. *Povtor v strukture folklornogo teksta (na materiale russkikh bolgarskikh i cheshskikh skazochnih i zagovornih tekstov): avtoref. dis. ... d-r filol. nauk* [Repetition in the Structure of Folklore Text (Based on Russian, Bulgarian and Czech Fairy Tale and Spell Texts): abstract of dis. ... Doctor of Philological Sciences]. M., 2006. 48 p.

Baevsky V.S. *B. Pasternak-lirik: Osnovi poeticheskoi sistemi* [B. Pasternak as the Lyricist: Fundamentals of the Poetic System]. Smolensk: Trast-Imakom Press, 1993. 238 p.

Basker M. «Dalekoe ozero Chad» Nikolaya Gumileva (k evolyucii akmeisticheskoi poetiki) ["Distant Lake Chad" by Nikolay Gumilyov (towards the Evolution of Acmeistic Poetics)] // *Gumilevskie chteniya: Materiali mejdunar. konferencii filologov_slavistov* [Gumilyov Readings: Proceedings of the International Conference of Slavic Philologists]. SPb.: Humanitarian University of Trade Unions Press, 1996. Pp. 125–137.

Bogomolov N.A. *Nikolai Gumilev* [Nikolay Gumilyov] // *Russkaya literatura rubeja vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov). Kniga 2* [Russian Literature of the Turn of the Century (1890s – Early 1920s). Book 2]. M.: Nasledie Publishing House, 2001. Pp. 466–500.

Vidugirite I. *Stihotvorenie «Jiraf» i afrikanskaya tema N. Gumileva* [Elektronnii resurs, 2001] [The Poem “Giraffe” and N. Gumilyov’s African Theme [Electronic Resource, 2001]] // *Nikolai Gumilev* [Nikolay Gumilyov] // URL: <https://gumilev.ru/about/50/> (accessed: 19.01.2024).

Geimbukh E.Yu. *Most v vechnost: o cikle A. Bloka «O chem poet veter»* [Bridge to Eternity: about A. Blok’s Cycle “What the Wind Sings About”] // Russian Language at School. 2011. № 8. Pp. 52–56.

Gryakalova N.Yu. N.S. *Gumilev i problemi esteticheskogo samoopredeleniya akmeizma* [Gumilev and the Problems of Aesthetic Self-Determination of Acmeism] // *Nikolai Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [Nikolay Gumilyov: Research and Materials. Bibliography]. SPb.: Nauka Publishing House, 1994. Pp. 112–120.

Devyatova N.M. *Predmetnii mir sravneniya* [The Object World of Comparison]

// *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazika. Yazikovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2022. № 2 (46). Pp. 48–58.

Devyatova N.M. *Ptica kak obraz russkogo sravneniya* [Bird as an Image of Russian Comparison] // *Ptica kak obraz, simvol, koncept v literature, kulture i yazyke: Kollektivnaya monografiya* [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture, and Language: Coll. monograph]. M.: Knigodel Press; Moscow City University Press, 2019. Pp. 349–354.

Dudareva M.A. *Apofatika russkogo yazika i kulturi v tvorchestve N.S. Gumileva (na primere stihotvoreniya «Jiraf»)* [Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of N.S. Gumilyov (on the Example of the Poem “Giraffe”)] // *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries]. 2020. № 1. Pp. 98–104.

Zholkovsky A.K. *Poetika za chainim stolom i drugie razbori* [Poetics at the Tea Table and Other Analyses]. M.: New Literary Review Press, 2014. 824 p.

Zholkovsky A.K. *Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. M.: New Literary Review Press, 2011. 608 p.

Ivanov Vyach. Vs. *Pasternak. Vospominaniya. Issledovaniya. Stati* [Pasternak. Memories. Research. Articles]. M.: Azbukovnik Press, 2015. 696 p.

Israpova F.Kh. *Metalirika v smene hudozhestvennih paradigm: monografiya* [Meta-lyrics in the Shift of Artistic Paradigms: Monograph]. M.: Buki Vedi Press, 2015. 298 p.

Kazmirchuk O.Yu. *Stihotvorenie B.L. Pasternaka «Na parohode» v kontekste simvolistskoj i futuristicheskoy poetiki* [B.L. Pasternak's Poem “On a Steamboat” in the Context of Symbolist and Futuristic Poetics] // *Vestnik MCU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2022. № 4 (48). Pp. 49–58.

Magomedova D.M. *Aleksandr Blok* [Alexander Blok] // *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov). Kniga 2* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s). Book 2]. M.: Nasledie Publishing House, 2001. Pp. 89–143.

Magomedova D.M. *Filologicheskii analiz liricheskogo stihotvoreniya* [Philological Analysis of Lyric Poetry]. M.: Academy Publishing House, 2004. 192 p.

Malkina V.Ya. *Tipologiya liricheskikh subektov* [Typology of Lyrical Subjects] // *Novii filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin]. 2023. № 4 (67). Pp. 20–31.

Malkina V.Ya. *Fantasticheskoe vrannih stihotvorenyah N.S. Gumileva* [Fantastic in the Early Poems of N.S. Gumilyov] // *Dinamicheskaya poetika / Poeticheskaya dinamika: sbornik statej k yubileyu D.M. Magomedovoj* [Dynamic Poetics / Poetic Dynamics: Collection of Articles for the Anniversary of D.M. Magomedova]. M.: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Press, 2019. Pp. 30–39.

N.S. Gumilyov: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Nikolaya Gumileva

v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej: antologia [N.S. Gumilyov: Pro et Contra: The Personality and Work of Nikolay Gumilyov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. 2nd ed. SPb.: Russian Christian Humanitarian Institute Press, 2000. 671 p.

Propp V.Ya. *Morfologiya <volshebnoj> skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of the <Magic> Fairy Tale. Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. M.: Labyrint Press, 1998. 512 p.

Sergeeva-Klyatis A. *Iskusstvo perevoda: Boris Pasternak* [The Art of Translation: Boris Pasternak] // *Literatura* [Literature]. 2005. № 13. Pp. 34–37.

Faryno E. *Poetika Pasternaka («Putevye zapiski» – «Ohrannaya gramota»)* [Pasternak's Poetics (“Travel Notes” – “Safe Conduct”)]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1989. 446 p.

Etkind E.G. *Krizis simvolizma i akmeizm* [The Crisis of Symbolism and Acmeism] // *Istoriya russkoj literatury. XX vek. Serebryanyj vek* [History of Russian Literature. 20th Century. Silver Age]. M.: Progress-Litera Press, 1995. Pp. 460–487.

Сведения об авторе

Казмирчук Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: лирика Б.Л. Пастернака.

Information about the Author

Olga Yu. Kazmirchuk – PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: lyrics by B.L. Pasternak.